

ПРЕДЧУВСТВИЕ ПОЛИЦЕНТРИЧНОСТИ

о «несоветском» проекте иркутских архитекторов 1970-х гг.

текст

Константин Лидин
Марк Меерович

Архитектурное пространство живет двойной семиотической жизнью. С одной стороны, оно моделирует универсум: структура мира построенного и обжитого переносится на весь мир в целом. С другой, оно моделируется универсумом: мир, создаваемый человеком, воспроизводит его представление о глобальной структуре мира. С этим связан высокий символизм всего, что так или иначе относится к создаваемому человеком пространству его жилища.
Лотман Ю. *Архитектура в контексте культуры // Семиосфера.* - СПб.: Искусство - СПб, 2000. - С. 676

Песенное искусство Советского Союза посвятило немало замечательных строк образу Москвы. «Сердце Родины» выполняло не только функции административного центра империи, но и сакральную роль центра Вселенной. Когда утро «красило нежным светом» стены Кремля, тогда и наступал рассвет для всей державы – одновременно во всех девяти часовых поясах.

Моноцентричность «советского универсума» имеет достаточно древние корни. Структура застройки Вавилона времен Саргона Древнего и Теночтитлана Монтесумы, Пекин танских императоров и Новая Атлантида Фрэнсиса Бэкона – все эти реальные или утопические города строились вокруг одного священного места, и так же выглядела структура всего государства. Центр наделялся необычными свойствами сверхчувственного, мистического идеологического контекста. Самый воздух и земля московского Кремля становились пропитанными памятью о великих событиях прошлого и сознанием судьбоносности происходящего сейчас. Тяготение к абсолютному центрированию градостроительной структуры вполне закономерно согласовывалось с тенденцией к зрелому абсолютизму в структуре власти и, как следствие, – к снижению динамики, к закреплению иерархического уклада жизни, к построению «вечных ценностей империи». Филипп Красивый начал перестраивать Париж по единому центрированному плану одновременно с укреплением абсолютной монархии. Центром Парижа Людовика XIV была постель Короля-Солнца в парадном зале Версаля. Напротив, рост открытости, стремление к переменам, социальный динамизм естественно выражаются в транзитных, линейных структурах застройки. Центрированная структура сохранялась со времен Людовика XIV больше ста лет, пока барон Осман по личному поручению Наполеона Бонапарта не прорубил в средневековом теле города сеть сквозных бульваров и проспектов. Концентричность Москвы настолько мешала Петру Первому, что проще оказалось бросить ее и выстроить новую столицу. Петербург, изначально спроектированный в сквозном стиле «окна в Европу», в длинных прямых перспективах, стал идеологическим противопоставлением азиатской империи Ивана IV.

С точки зрения семиотики городского пространства моноцентрические структуры можно соотносить с прямым смыслом текста городской застройки. Всё ясно и однозначно: центр есть центр во всех отношениях – здесь самые дорогие и комфортные квартиры, самые интересные и прогрессивные архитектурные ансамбли, памятники истории и культуры, лучшие магазины, театры и рестораны. Чем дальше от центра, тем более «провинциально», периферийно и второстепенно воспринимается любой элемент. Подобно платоновскому эйдосу, «центр» является идеалом,

первосмыслом и первоформой. Контекст (окружение центра) строится по его подобию – вторично, подражательно, копируя образец хотя бы в чисто внешних деталях. Так высотные здания в сталинской Москве строились с обязательными башенками – цитатами Кремля.

Моноцентрической, иерархической идее городских структур противостоит полицентричность. Наличие нескольких центров семиотически соответствует множественному прочтению той знаковой системы, которой является город. Смысл книги полностью определяется тем, кто и в какой ситуации ее читает¹: смысл текста определяется контекстом. Содержание семиотической среды города зависит от социального статуса, возраста, интересов, личных особенностей и конкретного состояния воспринимающего город жителя. Понятие центра приобретает относительный характер: центр – это то место в городе, где лично я живу (работаю, делаю покупки, развлекаюсь). В предельном случае центров города становится столько же, сколько жителей, или даже еще больше.

Разумеется, абсолютный релятивизм в определении центра выходит далеко за рамки здравого смысла. Однако и противоположный подход столь же нелогичен: в самом деле, почему исторический, деловой и административный центры города обязательно должны совпадать? Попытки воздействовать на естественное равновесие между текстом и контекстом болезненно отзываются на состоянии того живого, дышащего дискурса, которым является современный город. Примеров тому немало.

Внимание многих теоретиков и практиков градостроительства привлекает, скажем, ситуация в восточных землях современной Германии. Древние и прославленные города Саксонии и Тюрингии – Дрезден, Лейпциг, Халле, Веймар, Эрфурт – на протяжении тысячелетий играли роль самостоятельных региональных центров. «Лоскутное» строение германского государства наделяло каждый город статусом столицы удельного княжества – центростремительные процессы образования единого государства в Германии развивались позднее, медленнее и сложнее, чем во Франции или в России. Переход от рыхлого агломерата к более-менее централизованному государству произошел только в тридцатых годах XX века и носил характер навязанной сверху политической воли «нового порядка». После крушения Третьего рейха идеология жесткой централизации продолжала внедряться со стороны СССР – «старшего брата» всей социалистической системы: столица коммунистического мира находилась в Москве, но в каждой стране блока был свой маленький подцентр советской вселенной – свой «младший брат». Искусственное стимулирование роли Берлина в качестве *hauptstadt*² началось при Гитлере и продолжилось при Сталине. Соответственно, градостроительная политика в отношении саксонских городов строилась как реплика с советской – так город Хемниц (в период ГДР носивший имя Карл-Маркс-Штадт) во многих своих фрагментах стал почти близнецом Иркутска. Обратимство двух городов сопровождалось и многими параллельными процессами в развитии городских структур.

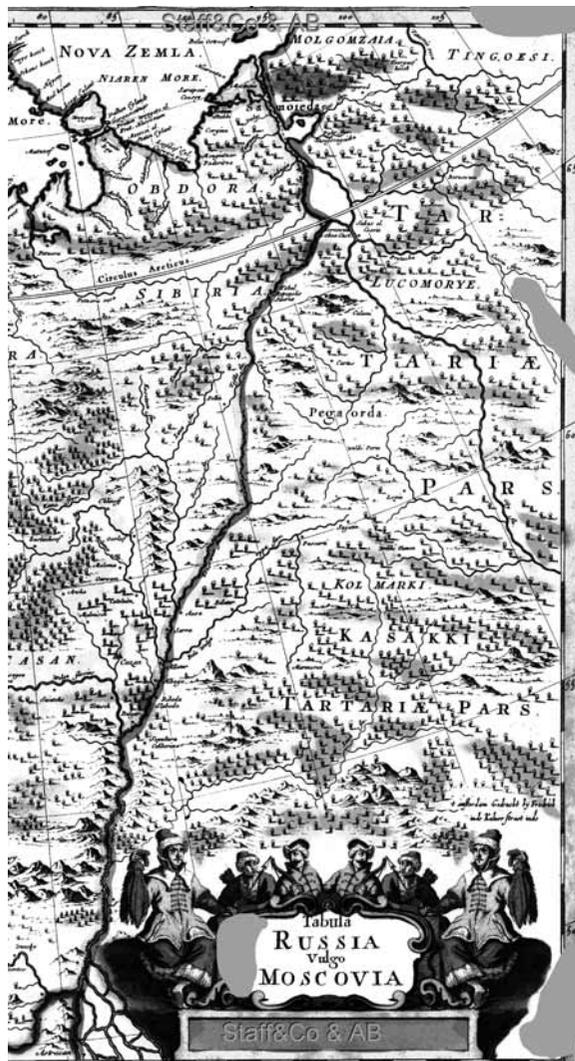
Распад социалистического блока и новое объединение Германии привели к тому, что моноцентрические тенденции ослабли. Административный центр переместился в скромный Бонн, за Берлином остался статус крупнейшего мегаполиса Центральной Европы, роль главного транспорт-

1. У Ролана Барта приведен интересный пример: если предположить, что Анна Каренина употребляла наркотики (вполне правдоподобная гипотеза для ее среды и эпохи), то весь роман посвящен описанию процесса развития абстинентного синдрома. Наркотическая «ломка», в конце концов, и толкает героиню под колеса поезда.

2. Адекватно перевести слово «столица» на немецкий язык оказалось невозможно, поэтому привилось выражение «главный город» – *hauptstadt*.

ного узла стал играть Франкфурт-на-Майне и так далее. Германия вернулась к исторически характерному для нее состоянию полицентричности. Однако города бывшей ГДР, не подвергшиеся (как Берлин) дорогостоящей и болезненной перестройке, продолжают нести в своей структуре платоновскую идею централизованного пространства. Соответственно, поддерживаемые архитектурно-градостроительным окружением, анахроничные установки в мышлении «оссии»³ обесценивают все попытки федерального правительства вывести саксонские города из состояния социальной и деловой апатии. Многомиллиардные дотации не помогают: Саксония, Тюрингия и Саксония-Анхальт остаются депрессивными зонами «убывающих городов»⁴. Трудно понять, где причина, а где следствие в образовавшемся заколдованном круге, но существование связи между социальным безволием и впечатанным в структуру городов образом жизни столь же несомненно, сколь и печально.

Подобные тенденции можно обнаружить и на примере городов Восточной Сибири, в частности Иркутска. Сравним несколько карт – документов, отражающих структуру того универсума, в который помещали азиатский край России в прошлые века. Вот редкая карта, изданная Фредериком де Витом в 1670-х годах (Издание по оригиналу И. Массы. Гравюра на меди). На ней граница Сибири проходит по Тоболу, а восточнее находится страна под названием Лукоморье, населенная тартарами (Tartariae Pars) и казакками (kasakki). Город всего один – Тобольск, он же столица Сибири (Красноярск, Томск и Иркутск уже существуют, но на карте их нет – они периферийные, ничего не значащие в сравнении с «центром», поселения).

Карта Российской империи 1820 г. Фрагмент

На четверть века позже (в 1697 г) Георгом Адамом Шлейссингом в Германии была издана копия чертежа Петра Годунова под названием Siwerische Landcharta. Сибирь (Сиверия) на этой карте начинается к востоку от Волги. На ней нет Байкала, а есть лишь пустые просторы, населенные различными тартарами и самоедами.

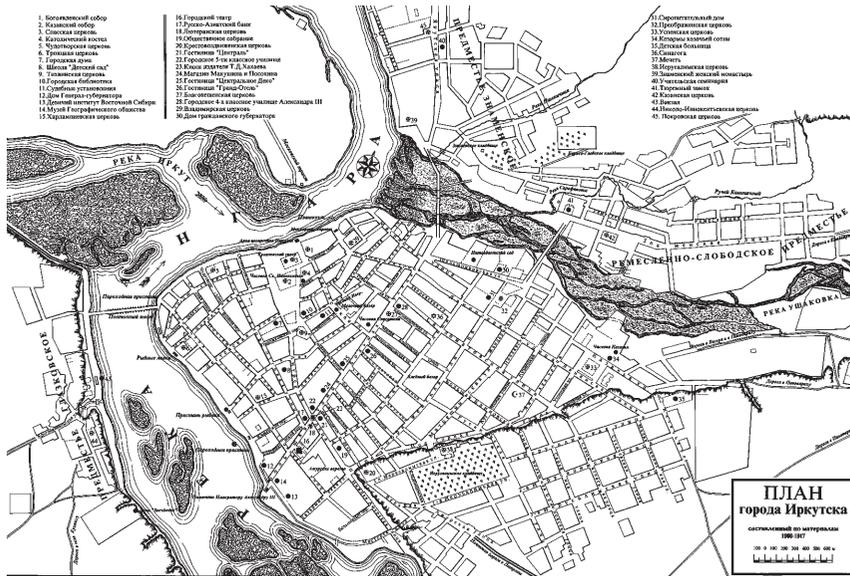
А вот на карте Российской империи 1820 года (The Cyclopaedia or, Universal Dictionary of Arts, Sciences, and Literature by Abraham Rees, 1820 г.) Иркутск есть, и расположен он географически верно. Правда, больше городов вокруг него нет, а ближайшие – Киренск на севере и Нижнеудинск на западе – отстоят почти на тысячу километров каждый. Иркутская провинция, согласно карте, населена буркатами (бурятами?), сойотами, тунгусами и кирагассами. Именно так выглядел для «просвещенного запада» Иркутск двести лет назад – форпост цивилизации на полумифическом краю света, поселение, заброшенное на границу Ойкумены, в край неведомых тартаров, буркатов, тунгусов и кирагассов.

Между тем именно в XIX веке сибирские купцы очень активно участвовали в международной торговле – как на восток, в Китай, так и на запад, Северным морским путем – вплоть до Англии и Швеции. «Заслуги Александра Сибирякова в финансировании научных исследований, в том числе северных экспедиций, были оценены и на международном уровне – в 1878 г. этот русский купец был награжден шведским королем почетным Крестом полярной экспедиции; в 1893 г. – французским правительством – знаком отличия «Пальмовая Ветвь», а кроме того – и серебряной медалью Русского географического общества»⁵. Нерчинский купец и промышленник Иван Бутин в 1878 г. получил большую серебряную медаль Парижской всемирной выставки за изделия Николаевского железоделательного завода, а в 1879 г. – золотую медаль Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии на Московской политехнической выставке⁶.

План-карта Иркутска, изданный в 1917 году, показывает явное тяготение структуры города не к московской концентричности, а к петербургской транзитности. Длинные прямые улицы прорезают город, компактно расположенный между Ангарой и Ушаковкой. Предместья (Знаменское, Глазковское, Ремесленно-Слободское) образуют самостоятельные застроенные массивы. Единого центра в городе нет. Есть множество центров: административный (дом генерал-губернатора), транспортный (вокзал), несколько профессиональных центров и большое количество торговых (крупные магазины, рынки и склады).

Возвращение столицы РСФСР в Москву означало решительный поворот советского правительства от идеологии

3. Жаргонное словечко, обозначающее жителей бывшей ГДР – в противоположность «западным» немцам – «весси».
4. Освальт Ф. Убывающие города. Фаза 2: интервенция // Проектinternational, № 13, 2006 г. – С. 13-135.
5. Иркутская гордость и слава (книга о почетных гражданах города). Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 2001 г.
6. Гаврилова Н. Сибирский американец // Земля Иркутская, 2000 г. № 12, С. 26.

полицентричности к жестким иерархизированным принципам единого центра и единой власти. Экспансия соцрасселения на юг, север и восток при сохранении моноцентрического базиса достигла апогея к середине 1930-х гг. в виде государственной системы типовых градостроительных схем. Возникновение новых городов (и обретение старыми городами импульса к своему возрождению) происходило вокруг «градобразующих предприятий». Иркутск, для того чтобы не утратить своего статуса административно-политического центра, создал собственное «промышленное ядро» и более чем за полвека советского периода своего существования развил и укрепил моноцентричную планировочную структуру, которую не изменило даже формирование на левом берегу Ангары крупных Академ- и Студгородка.

Тем неожиданнее выглядит возникший в 1970 г. проект застройки нового района города Иркутска – «Верхний бьеф». Проект (главный архитектор В.С. Воронежский) выглядит как прямая противоположность официальной доктрине моноцентрической застройки. Он разрывает идеологическую предопределенность планировочного решения и вписывает траекторию развития города в прямолинейную ось, не просто перескакивающую через заливы Иркутского водохранилища, но формирующую автономные градостроительные единицы: микрорайоны с полным комплектом КБО, обеспечивающим самодостаточность существования и определенную степень изолированности от «центра». Он осуществляет семиотическое единение Иркутска с подлинным абсолютно внеидеологическим центром – Байкалом.

Ресурсное «содержание» форм организации жизнедеятельности в Сибири предопределяло ее провинциальность и обрекало иркутских архитекторов на роль «граждан из глубинки». Но это же самое качество позволяло им оставаться независимыми от общих тенденций – если, конечно, хватало смелости отказаться от подражания первоформам и первообразам центра.

«Байкальский луч» – агломерационная ось Черемхово – Ангарск – Иркутск – Листвянка, пронизывающая значительную территорию, семантически тяготеющую к Байкалу, и был отказом от стереотипов и ярким примером ситуативного решения проблемы. Линейный характер развития г. Иркутска на восток, при сохранении где-то далеко на западе исторического и административного центра, делал эту планировочную ось с нанизанными на нее автономными жилыми образованиями невольно противостоящей официальной советской градостроительной доктрине. Проект

планировки «Верхний бьеф» стал своеобразным вызовом советской власти, которая не любила линейные планировочные структуры, противоречившие идее централизма. Даже в очевидных «линейных ситуациях» – нитки осей освоения вдоль железных дорог, автомобильные магистрали, водные пути и т.п. – она все равно стремилась формировать точечные зоны и ареалы. Она угорно оставалась на позициях, затвержденных в 1930-е гг., когда был осужден советский дезурбанизм (М. Охитович, М. Гинзбург и др.), предлагавший основывать сети нового расселения на линейных принципах.

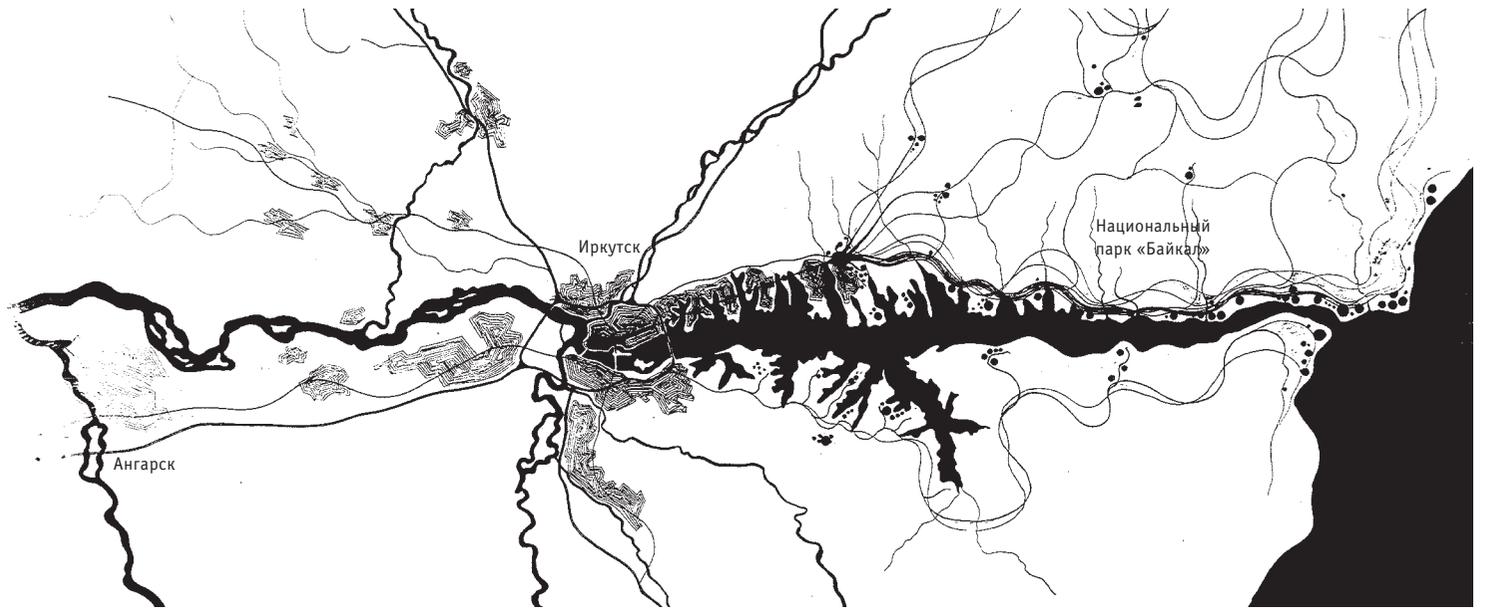
Центростремительное развитие населенных пунктов уже в конце XVIII века обрело свою характерную отличительную черту: стихийно добавляя кольца жилой и промышленной застройки, оно фактически лишало город возможности для планомерного комплексного развития. Планировочное предложение 1930-х гг., сделанное для Москвы Н. Ладовским, разрывало естественную закономерность развития городов капитализма. Его «парабола» позволяла сохранить центричность планировки, столь важную для официальной советской идеологии, и сформировать линейность, столь нужную для практического функционирования крупного населенного пункта.

«Байкальский луч» генетически никак не связан с теоретическими предложениями «параболы Ладовского». Он вырос из реальной проблемы развития города, зажатого территорией аэропорта, плотинной ГЭС, промышленными зонами, неудобными территориями, индивидуальной самостийной деревянной застройкой, ценными охраняемыми природными ландшафтами. Но, возникнув на конкретной ситуации, он оказался не просто сродни пророчеству Н. Ладовского – он стал предчувствием способа разрешения проблем многих постсоветских городов, прогнозом судьбы многих городов мира.

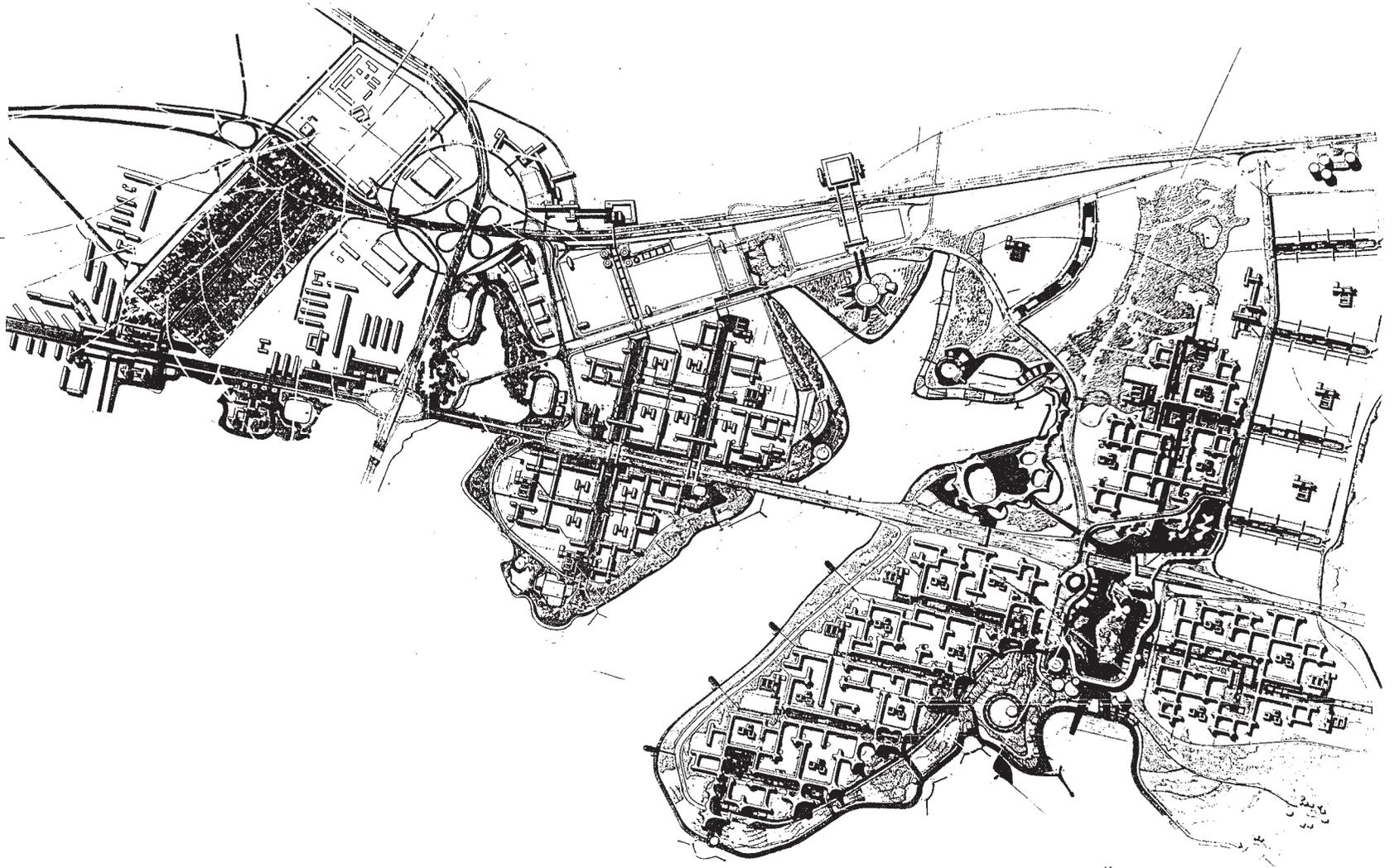
Сегодня руководство города и Иркутской области, формируя перспективное направление развития Иркутской агломерации параллельно туристической трассе Иркутск – Байкал, исходит из концептуальных предложений, разработываемых местными архитектурными силами. Основой концепции является идея «байкальского луча», интерпретированная в соответствии с существующими социально-экономическими условиями в совмещенный тип городской застройки, состоящий из 40% многоэтажной плотной 5-6-этажной жилой застройки с включением высотных офисных и представительских зданий (до 16 этажей), масштабных формирующемуся «лучу» и панораме морского побережья, и 60% 2-3-этажной блокированной, экономически доступной жилой застройки городского типа (с площадью квартир 60-100 кв. м и двора – 60 кв. м).

Сегодня, в эпоху «наступающей полицентричности», мировая архитектурная и градостроительная мысль только приближается к проектному освоению идеи мегалополисов, обнаруженных в конце шестидесятых годов географами⁷. Но уже сегодня в столице Восточной Сибири воплощается «предчувствие полицентричности», посетившее иркутских архитекторов треть столетия назад.

7. Готтманн Ж. Мегалополисы, или Урбанизация северо-восточного побережья США // География городов. М., 1965

агломерация / agglomeration

Иркутск.
ПДП Жилого района
«Верхний Бьеф»